

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Казанов Герман Евгеньевич

Юрист ООО «Юридическая фирма „Ялилов и Партнеры“» (Казань),
ORCID: 0000-0002-8020-5166, e-mail: kanzanovgerman@yandex.ru.

Синявский Алексей Алексеевич

Аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань),
ORCID: 0000-0003-0346-7047, e-mail: alex.sinyavskiy95@gmail.com.

В статье оцениваются перспективы нормативного закрепления и последующего правового регулирования цифровых технологий, таких как большие данные, интернет-вещей, блокчейн, цифровая валюта и смарт-контракты. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на усилия отечественного законодателя, правовое регулирование сквозных цифровых технологий в России находится в зачаточном состоянии. Законы и законопроекты, касающиеся этой сферы, фрагментарны и не демонстрируют системного видения дальнейшей правовой регламентации отношений, связанных с использованием той или иной технологии, однако закладывают основы для развития данной области.

Ключевые слова: цифровизация, большие данные, цифровая валюта, персональные данные, блокчейн, смарт-контракт

Для цитирования: Казанов Г. Е., Синявский А. А. Тенденции правового регулирования в условиях цифровизации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 3. С. 64–71. DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_64.

TRENDS IN LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Kazanov German

Lawyer, «Law Firm „Yalilov and Partners“» LLC (Kazan), ORCID: 0000-0002-8020-5166,
e-mail: kanzanovgerman@yandex.ru.

Sinyavskiy Alexey

Post-graduate, Kazan Federal University (Kazan), ORCID: 0000-0003-0346-7047,
e-mail: alex.sinyavskiy95@gmail.com.

The article analyses the prospects for normative consolidation and subsequent legal regulation of digital technologies, namely big data, internet of things, blockchain, cryptocurrency and smart contracts. The authors conclude that, despite the efforts made by a domestic legislator, the legal regulation of cross-cutting digital technologies in Russia is only in its infancy. The laws in this domain are fragmented and do not show a common and systematic view of the future legal regulation of the use of digital technologies, but provide a basis for further development in this area.

Key words: digitalization, big data, cryptocurrency, personal data, blockchain, smart contract

*For citation: Kazanov G., Sinyavskiy A. (2021) Trends in legal regulation in the context of digitalization. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 64–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2021_3_64.*

Мир сейчас переживает множественные социально-экономические трансформации в условиях массового внедрения и усвоения цифровых технологий. Мы становимся свидетелями удивительных перемен, которые происходят во всех сферах жизни общества вследствие постепенного формирования цифровой экономики, без отдельных элементов которой наше существование кажется уже невозможным.

Разумеется, подобные преобразования экономических отношений не могут оставаться без внимания законодателя и должны лежать в основе правотворческой деятельности любого государства, которое заинтересовано в устойчивом развитии собственной экономики. Е. П. Губин справедливо отметил, что не столько юридическая практика, сколько практика экономическая должна определять и определяет направления совершенствования законодательства в широком его понимании, его недостатки и достоинства¹. Такая позиция крайне важна в свете становления «цифровой реальности», когда технологии бросают вызов классическим правовым институтам, обнажая новые коллизии и пробелы, неподвластные мгновенному нивелированию. В то время как сектор информационно-коммуникационных технологий эволюционирует с поразительной скоростью и является главной движущей силой инноваций, законодатель совершает лишь медленные и неуверенные шаги навстречу правовому регулированию данной сферы, так как еще сам в полной мере не определил траекторию и последствия такого регулирования.

Трудности формирования соответствующего правового поля опосредованы отсутствием общего системного подхода, единообразного понятийного аппарата и несоответствием традиционных правовых институтов цифровым реалиям². Преодоление названных трудностей является сегодня приоритетной задачей научного сообщества, представители которого уже несколько лет занимаются поиском оптимальных подходов к надлежащему юридическому оформлению новых и адаптации уже существующих структурных элементов системы права к условиям стремительного развития цифровых технологий.

Важно помнить, что право не есть самодовлеющая и замкнутая система. Оно не может игнорировать вновь возникающие социально-экономические явления, а должно находиться в постоянном развитии, которое согласовывалось бы с насущными потребностями практики, тем самым отвечая на самые важные запросы общества. Именно в возможности заново формулировать исходные положения, избавляться от архаизмов и приспосабливаться к потребностям современного уклада жизни заключается эффективность и жизнеспособность как права в целом, так и правовой науки в частности³.

Какие правовые вызовы стоят сегодня перед наукой и законодателем? Масштабы интеграции цифровых технологий в нашу жизнь настолько велики, что дать исчерпывающий ответ на этот вопрос затруднительно, однако с уверенностью можно сказать, что изменения в данный момент подвержены все компоненты права⁴.

Наряду с традиционными субъектами права технологически обусловлено появление новых субъектов – так называемых цифровых личностей⁵. Например, в 2017 г. подданной Саудовской Аравии стала робот София⁶. С модификацией общественных отношений под воздействием технологий также связано возникновение новых объектов правового регулирования – цифровых активов, цифрового имущества, цифровой валюты и т. д.

Возникновение правоотношений в цифровой среде обуславливает необходимость нормативной фиксации прав, обязанностей, а также видов ответственности их

¹ Губин Е. П. Теория и практика правового регулирования предпринимательской деятельности: соотношение и взаимосвязь // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 4.

² Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лакно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. С. 76–80.

³ Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1. С. 29.

⁴ Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

⁵ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2.

⁶ Робот-андройд София стала подданной Саудовской Аравии // ТАСС. 2017. 26 окт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (дата обращения: 26.12.2020).

участников¹. Порой такие общественные отношения практически исключают непосредственное участие человека, что одновременно составляет их специфику и проблему, требующую неординарного решения со стороны законодателя.

С существованием многих технологических объектов, выступающих компонентами цифровой экономики, связаны тенденции реформирования законодательства и научные дискуссии о необходимости их нормативного закрепления и последующего правового регулирования. Проведем выборочный анализ таких объектов.

1. Большие данные (*big data*) чаще всего рассматриваются в качестве совокупности инструментов и механизмов, используемых для алгоритмического анализа и обработки неструктурированных данных больших объемов. Данные в своем первоначальном и разрозненном виде не представляют особой значимости, однако после интеллектуальной обработки по заданным критериям они становятся ценными информационными активами. Исследование BSA показало, что развитие технологий *big data* приведет к созданию 15 трлн долл. мирового ВВП к 2030 г.² Названные технологии могут использоваться в самых разных целях: для непрерывного отслеживания пробок с камер дорожного наблюдения; автоматизации процесса поиска такси и бронирования отелей; прогнозирования потребностей потребителей и адресного предложения таких товаров и услуг; формирования контекстной рекламы; оценки финансовых рисков и т. д.

Использование таких технологий, с одной стороны, создает огромное количество новых возможностей для бизнеса и общества в целом, а с другой – ставит под угрозу охрану персональных данных, а также может стать противоправным средством воздействия на конкуренцию. Антимонопольное регулирование больших данных в России пока строится на основе постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 и приказа ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220. С охраной информации ограниченного доступа все несколько сложнее.

В октябре 2018 г. был представлен законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“», где была предпринята попытка провести границу между персональными данными и большими данными, дав определение последних, однако законопроект был отклонен. При этом количество скандалов, связанных с применением технологии больших данных и последующей утечкой информации личного характера, с каждым годом лишь увеличивается. Показательным примером стало дело сети «ВКонтакте» против ООО «Дабл»: последнее использовало данные профайлов пользователей социальной сети для разработки и коммерциализации решения по оценке платежеспособности потенциальных заемщиков³.

В свете защиты персональных данных при регулировании технологии больших данных любопытен опыт коллег с Запада. Так, на территории ЕС с 25 мая 2018 г. действуют регламент ЕС 2016/679 «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС» (Общий регламент по защите персональных данных), а также директива ЕС 2016/680 «О защите физических лиц при обработке персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования, выявления или уголовного преследования преступлений или исполнения уголовных наказаний, о свободном обращении таких данных, а также об отмене рамочного решения 2008/977/ПВД Совета ЕС». Общий регламент обеспечивает защиту персональных данных физических лиц, их права и свободы в отношении защиты личных данных, а также предусматривает законные основания для обработки персональных данных (например, если субъект данных сам предоставил согласие на такую обработку или она необходима для выполнения контракта, стороной которого является субъект данных) и их трансграничной передачи. Общий регламент имеет прямое действие во всех 27 государствах-членах ЕС и применяется ко всем компаниям на территории ЕС, обрабатывающим персональные данные граждан и резидентов ЕС. Кроме того, в рамках Европей-

¹ Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Право и бизнес. 2018. № 1. С. 12–17.

² Большие данные в цифровой экономике: товар или национальное достояние? // Петербургский международный экономический форум. 2017. 27 мая. URL: <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4273948> (дата обращения: 26.12.2020).

³ Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 12 октября 2017 г. по делу № А40-18827/2017.

ского союза защита персональных данных физических лиц обеспечивается п. 1 ст. 16 Договора о функционировании ЕС, а также п. 1 ст. 8 Хартии Европейского союза об основных правах.

2. Интернет вещей (*internet of things*) представляет собой класс устройств и приборов, которые могут функционировать совместно с помощью беспроводной связи, тем самым существенно упрощая бытовые и промышленные процессы. Данные технологии успешно внедряются в сферы энергетики, здравоохранения, сельского хозяйства, транспортировки грузов и вносят значительный вклад в благоустройство мира во круг нас.

Несмотря на свою очевидную пользу, технологии интернета вещей, как и технологии больших данных, осуществляя бесконтрольный сбор информации, представляют опасность для сведений конфиденциального характера. Речь идет о возможных утечках личных (в том числе биометрических) данных, платежных реквизитов, перехвате управления над устройствами интернета вещей, шантаже и вымогательствах на основе полученной информации, использовании ее в противоправных целях. Таким образом, цифровизация общества, возможно, потребует пересмотра принципов защиты различных видов тайны¹.

3. С каждым годом возрастает популярность систем распределенного реестра. В докладе Всемирного экономического форума 2018 г. был сделан прогноз о том, что к 2027 г. около 10 % мирового ВВП будет сконцентрировано в технологиях, построенных на базе блокчейн². Их востребованность объясняется тем, что такой тип баз данных обладает рядом уникальных характеристик: децентрализацией управления, неизменяемостью хранящихся в блокчейне данных, прозрачностью транзакций и сохранением анонимности.

Одной из первых применять технологию блокчейн в государственной сфере стала Эстония. В этой стране с 2016 г. действует программа на основе блокчейн-технологии KSI (*keyless signature infrastructure*), которая позволяет проверять подлинность вносимых изменений в историю болезни пациентов медицинских учреждений в режиме реального времени³.

Важным шагом на пути регулирования технологии распределенного реестра в России стало принятие Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым был урегулирован порядок привлечения инвестиций с помощью краудфандинговых платформ; однако этот закон не избежал обоснованной критики⁴.

4. На основе технологии блокчейн происходит разработка новых цифровых активов – токенов, биткоинов и другой криптовалюты. В 2020 г. все больше стран осознают необходимость отдельного законодательного регулирования выпуска и оборота криптовалют. Правительство Франции, например, приняло законопроект о финансовом секторе, согласно которому отдельные виды криптографической деятельности (хранение цифровых активов и (или) покупка или продажа цифровых активов в качестве законного платежного средства) будут подлежать обязательной государственной регистрации⁵. В Японии и Сингапуре был законодательно определен порядок налогообложения оборота биткоинов и данный вид криптовалюты приобрел официальный статус полноценного платежного средства⁶.

¹ Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. С. 376.

² Building Block(chain)s for a Better Planet // Weforum.org. 2018. Sept. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Building-Blockchains.pdf (дата обращения: 26.12.2020).

³ Как Эстония применяет блокчейн в масштабах целого государства // Хабр. 2016. 14 сент. URL: <https://habr.com/ru/company/wirex/blog/396095/> (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Соيفер Т. В. Гражданско-правовое регулирование краудфандинга в России: состояние и перспективы // Гражданское право. 2020. № 1. С. 11–15.

⁵ Белицкая А. В., Егорова М. А. Правовое регулирование выпуска и размещения криптовалюты: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 55–63.

⁶ В Японии биткоины признали платежным средством // Lenta.ru. 2017. 1 апр. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/01/japan/> (дата обращения: 22.01.2021); Лихачев Н. Сингапур признал биткоин и определил налоговую политику его оборота // Tjournal.ru. 2014. 10 янв. URL: <https://tjournal.ru/49276-bitcoin-singapore> (дата обращения: 22.01.2021).

В нашей стране отношение к криптовалютам до недавних пор было непоследовательным. В судебной практике имелось множество случаев, когда блокировке подвергались онлайн-ресурсы, связанные не только с оборотом криптовалюты, но и с распространением информации о ней¹. Вопрос о запрете распространения информации о таком активе даже попал в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2018 г., где декларировалось, что «криптовалюта не обеспечена реальной стоимостью и не содержит информации о ее держателях». Руководствуясь соображением о том, что операции с криптовалютами совершаются вне правового регулирования РФ, некоторые суды признавали соответствующие требования, связанные с «нелегализованным» объектом гражданских прав, лишенными исковой защиты².

В условиях такой правовой неопределенности некоторые ученые предлагают обратить внимание на опыт ЕСПЧ, где защите подлежит даже тот актив, который не имеет легитимации в законе в качестве объекта прав или не признается материальным активом на уровне объективного права, но при условии, что такой актив обладает экономической ценностью³.

В практике российских судов встречались одинокие попытки противостоять негативному отношению к криптовалютам. Можно вспомнить о случае, когда криптовалюта была квалифицирована судом в качестве иного имущества и была включена в конкурсную массу должника⁴.

Для преодоления подобной неразберихи в России на правотворческом уровне идет активная работа над законодательным определением криптовалюты и ее правового статуса. Примером тому может служить проект федерального закона «О системе распределенного национального майнинга». Кроме того, с 1 января 2021 г. начал действовать Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о цифровых финансовых активах), который призван выступить основой для дальнейшего урегулирования цифрового рынка. Закон примечателен прежде всего тем, что вводит в правовой оборот определения двух ключевых терминов: «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта» (она же – криптовалюта).

В соответствии со ст. 1 упомянутого Закона цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Но главным нововведением Закона о цифровых финансовых активах является определение понятия и правового статуса цифровой валюты, к которой относятся всемирно известные биткойн, *Ethereum*, *Tether*, *Polkadot*, *XRP* и суммарная капитализация которых уже превышает 788 млрд долл. В соответствии со ст. 1 Закона о цифровых финансовых активах цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать

¹ См., например: решение Невьянского городского суда Свердловской области от 30 сентября 2014 г. по делу № 2-978/2014; решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 10 ноября 2015 г. по делу № 2-10750/2015 и др.

² Решение Рязжского районного суда Рязанской области от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-160/2017.

³ Харитонов Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 31–36.

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09-АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017.

соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. Иными словами, у цифровой валюты нет эмитента, а сама она относится к имуществу, из чего следует, что ей можно владеть, пользоваться и распоряжаться.

До принятия Закона о цифровых финансовых активах юристы указывали, что отечественный законодатель при определении цифровых технологий злоупотребляет технократическим подходом, не раскрывая функционал регулируемого объекта и лишая дефиницию всякой ясности¹. Однако нынешняя редакция Закона преодолела данную проблему.

С учетом сказанного интерес вызывает декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Во-первых, содержащиеся в нем дефиниции позволяют выделить конститутивные признаки новых экономических и правовых явлений, попадающих в сферу правового регулирования данного акта. Во-вторых, белорусский законодатель смело оперирует зарубежной терминологией («блокчейн», «смарт-контракт», «криптовалюта», «майнинг»).

Зарубежные инвесторы, встречая в законодательстве знакомые термины, легко понимают, о каких явлениях идет речь, и быстрее соглашаются на сотрудничество, поэтому подход Беларуси кажется более оправданным². Также следует учитывать, что многие цифровые технологии давно превратились в полноценные экономические категории, а потому отечественному законодателю не следует заниматься поиском новых наименований для тех явлений, которые уже закреплены в законодательстве многих передовых стран. Как отмечал А. Г. Быков, функционирование экономики на рыночной основе отражает необходимость включения экономических категорий и понятий в содержание правовых норм и оперирования ими³.

5. Еще одним интересным явлением цифровой экономики стал смарт-контракт – программный код, обеспечивающий автономность и самоисполнимость условий договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств⁴. В 2019 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», определивший рамочные положения о таких договорах. Представляется возможным закрепить смарт-контракт в качестве отдельной формы письменной сделки, в связи с чем могут быть внесены изменения в гл. 9 ГК РФ. Однако законодателю необходимо учесть все нюансы, связанные с использованием смарт-контрактов. Несмотря на минимизацию рисков неисполнения, главной уязвимостью такого вида договора является вероятность возникновения ошибки внутри кода, что неизбежно повлечет за собой невозможность исполнения всех закрепленных в нем обязательств. На этот случай важно предусмотреть справедливое распределение рисков между сторонами или установить меры ответственности в отношении разработчика такого программного кода.

Помимо упомянутых цифровых технологий, детальной правовой регламентации требуют такие явления цифровой экономики, как технологии облачных вычислений и технологии искусственного интеллекта.

Инициатива законодателя в области правового регулирования цифровых технологий, реализуемая в рамках исполнения программы «Цифровая экономика Российской Федерации» 2017 г., не исчерпывается перечисленными выше нормативными правовыми актами. Так, в законодательство были внесены изменения, предусматривающие переход от бумажных трудовых книжек к учету сведений о работниках в электронной форме. Была реформирована система удостоверяющих центров. Лицам, занимающимся разработкой и внедрением цифровых инноваций, была предо-

¹ Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.

² Михайлов А. В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Право и бизнес. 2019. № 3. С. 11.

³ Быков А. Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // А. Г. Быков: человек, ученый, учитель / отв. ред. Е. П. Губин. М.: Стартап, 2013. С. 100.

⁴ Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 32–60.

ставлена возможность осуществить их применение в условиях снятия ограничений, установленных нормативными правовыми актами (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», называемый также Законом о «цифровых песочницах»). А в сентябре 2020 г. Минэкономразвития РФ внесло в Правительство проект закона, предлагающий перевести деловой документооборот в электронный вид.

Принятие программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и ее внушительное финансирование (410 млрд руб. средств федерального бюджета и около 535 млрд руб. внебюджетных средств на 2019–2021 гг.) указывают на то, что цифровая повестка была поднята на самый высокий политический уровень.

Несмотря на предпринятые усилия, стоит признать, что правовое регулирование сквозных цифровых технологий в нашей стране пока находится в зачаточном состоянии. Названные в данной работе законы и законопроекты фрагментарны и не демонстрируют системного видения дальнейшей правовой регламентации отношений, связанных с использованием той или иной технологии. Ясно одно: игнорировать динамику цифровых процессов нельзя, так как это может привести к нарушению прав и интересов многочисленных участников формирующегося рынка.

Для успешной реализации политики цифровизации государство должно вести регулярный диалог с предпринимательским сообществом, поощряя любые инициативы. Тем более в нашей стране сейчас активно формируется институт социального предпринимательства и многие компании могли бы совместить деятельность по освоению цифровых технологий с достижением общественно полезных целей. К примеру, существуют исследования, подтверждающие эффективность западных блокчейн-проектов, реализуемых некоммерческими и частными компаниями, для преодоления социальных и культурных проблем¹. Власть, в свою очередь, помогает бизнесу в решении вопросов, связанных с налогообложением операций с цифровыми активами, получением доступа к данным, необходимым для ведения предпринимательской деятельности, а также создает экономически безопасные регуляторные зоны. Очевидно, что в условиях цифровизации экономики правовое регулирование должно одновременно способствовать развитию частной предпринимательской активности и гарантировать публичные интересы².

Список литературы

Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1. С. 25–41.

Белицкая А. В., Егорова М. А. Правовое регулирование выпуска и размещения криптовалюты: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 55–63.

Белых В. С., Болобонова М. О. Понятие, значение и тенденции развития цифрового права // Юрист. 2020. № 1. С. 5–14. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

Быков А. Г. О содержании курса предпринимательского права и принципах его построения // А. Г. Быков: человек, ученый, учитель / отв. ред. Е. П. Губин. М.: Стартап, 2013. С. 71–103.

Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Право и бизнес. 2018. № 1. С. 12–17.

Видра Д., Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4. С. 15–21.

Губин Е. П. Теория и практика правового регулирования предпринимательской деятельности: соотношение и взаимодействие // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 3–9.

Михайлов А. В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Право и бизнес. 2019. № 3. С. 7–13.

Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019. 370 с.

Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. 595 с.

¹ Видра Д., Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. №4. С. 15–21.

² Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 32–60.

Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 27–34.

Сойфер Т. В. Гражданско-правовое регулирование краудфандинга в России: состояние и перспективы // Гражданское право. 2020. № 1. С. 11–15.

Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

Харитонов Ю. С. Криптовалюта в правоприменительной практике // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 31–36.

References

Agarkov M. M. (1992) Tsennost' chastnogo prava [The value of private law]. In *Pravovedenie*, no. 1, pp. 25–41.

Belitskaya A. V., Egorova M. A. (2020) Pravovoe regulirovanie vypuska i razmeshcheniya kriptovalyuty: tendentsii i perspektivy [Legal regulation of the release and placement of cryptocurrency: trends and prospects]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 15, no. 6, pp. 55–63.

Belykh V. S., Bolobonova M. O. (2020) Ponyatie, znachenie i tendentsii razvitiya tsifrovogo prava [The concept, meaning and development trends of digital law]. In *Yurist*, no. 1, pp. 5–14, DOI: 10.18572/1812-3929-2020-1-5-14.

Bykov A. G. (2013) O soderzhanii kursa predprinimatel'skogo prava i printsipakh ego postroeniya [On the content of the business law course and the principles of its construction]. In A. G. Bykov: *Chelovek, Uchenyi, Uchitel'*. Moscow, Startup, pp. 71–103.

Gubin E. P. (2018) Teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti: sootnoshenie i vzaimosvyaz' [Theory and practice of legal regulation of business activity: correlation and relationship]. In *Predprinimatel'skoe pravo*, no. 1, pp. 3–9.

Karelina S. A., Lakhno P. G., Shitkina I. S. (Eds.) (2019) *Predprinimatel'skoe pravo: sovremenniy vzglyad* [Business law: the current view]. Moscow, Yustitsinform, 600 p.

Kharitonova Yu. S. (2019) Kriptovalyuta v pravoprimenitel'noi praktike [Cryptocurrency in law enforcement practice]. In *Predprinimatel'skoe pravo*, no. 2, pp. 31–36.

Mikhailov A. V. (2019) Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o predprinimatel'skoi deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Prospects for the development of legislation on business activity in the digital economy]. In *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie*, no. 3, pp. 7–13.

Popondopulo V. F. (2019) *Pravovye formy tsifrovyykh otnoshenii* [Legal forms of digital relations]. In *Yurist*, no. 6, pp. 29–36.

Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. (2018) Tsifrovye aktivy kak ob"ekty predprinimatel'skogo oborota [Digital assets as objects of business turnover]. In *Pravo i ekonomika*, no. 4, pp. 27–34.

Savel'ev A. I. (2016) Dogovornoe pravo 2.0: «umnye» kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava [Contract law 2.0: «smart contracts» as the beginning of the end of the classic contract law]. In *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 16, no. 3, pp. 32–60.

Soifer T. V. (2020) Grazhdansko-pravovoe regulirovanie kraudfandinga v Rossii: sostoyanie i perspektivy [Civil law regulation of crowdfunding in Russia: state and prospects]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 1, pp. 11–15.

Talapina E. V. (2018) Pravo i tsifrovizatsiya: novye vyzovy i perspektivy [Law and digitalization: new challenges and prospects]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 5–17.

Vaipan V. A. (2018) Pravovoe regulirovanie tsifrovoi ekonomiki [Legal regulation of the digital economy]. In *Pravo i biznes*, no. 1, pp. 71–103.

Vaipan V. A., Egorova M. A. (Eds.) (2019) *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii v sovremennykh usloviyakh razvitiya tsifrovoi ekonomiki* [Legal regulation of economic relations in the modern conditions of the development of the digital economy]. Moscow, Yustitsinform, 370 p.

Vidra D., Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. (2020) Sotsializatsiya prava i tekhnologiya raspredelenogo reestra: transformatsiya regul'yativnogo vozdeistviya [The socialization of law and the distributed ledger technology: the transformation of regulatory impact]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 4, pp. 15–21.